

Воспоминания соседки по дому в Лосиноостровской Вали Звоновой (в замужестве Никоновой) о бабушке Вере Николаевне Зиминной (урожденной Гучковой)

5 июля 2006 года
Запись Галины Ульяновой

В 1930-е годы мы были соседями семьи Зиминных в доме по Ярославскому шоссе, №60. Мы жили в одном деревянном доме (бывшей дореволюционной даче). Мои родители работали, поэтому, когда мы с братом Мишей оставались детьми дома, то центром притяжения была Вера Николаевна Зимина, которую мы называли «бабушкой». И таким символом «бабушки» – доброй, мудрой, заботливой – Вера Николаевна была для небольшой группки детей нашего двора, в котором жили несколько семей.

Вера Николаевна была человеком высокой культуры, и даже не понимая этого, мы, дети, инстинктивно это чувствовали и тянулись к ней.

Я хорошо помню, как Вера Николаевна элегантно одевалась. В 1930-е годы это контрастировало с большинством людей, которых мы наблюдали в нашем детском возрасте. Она была худенькая, подтянутая, со стройной фигурой. Как правило, она носила белую кофточку и длинную черную юбку. Блузки у нее были с высоким воротником, отделанным кружевом. Блузку дополнял то черный бантик на шее, то белый бантик. Волосы были расчесаны на прямой пробор и собраны сзади в небольшой пучок. В холодное время года на ногах она носила фетровые боты (чтобы подошвы не скользили, по тогдашнему способу подошвы мазали клеем и посыпали золой).

Вера Николаевна и соседям помогала с одеждой. Если кому удавалось получить на предприятии по распределению или по случаю кусок ткани, то она всем кроила одежду (единственная это умела, хотя была, конечно, выше по происхождению и воспитанию всех жильцов нашего дома) и объясняла, как сшить, – и все по ее инструкции шили. Из своих шкафов она периодически доставала очень красивую детскую одежду и отдавала ее подраставшим соседским детям. Видимо, это была одежда, которую в детстве носили ее дети, сыновья – Борис и Саша, и дочка Лена. Мне запомнилось, что много было трикотажных хлопчатобумажных вещей великолепного качества, вещей из маркизета. Так что все мы были одеты «бабушкой». Мне Вера Николаевна подарила мягкую розовую вязаную кофточку, которую я очень любила носить – такой красивой ни у кого не было.

Она учила соседок не только шить. Например, мою маму, приехавшую в Москву из Рязанской губернии, она учила еще и готовить. А заодно была кладезем житейской мудрости. Я благодарна Вере Николаевне, что она приняла участие в судьбе моего отца. До революции 1917 года мой отец из города Скопина Рязанской губернии, как одаренный мальчик был направлен

на бесплатное обучение в гимназию. Потом было трудное время в 1920-х годах – не до учебы. Когда папу направили на рабфак, у него уже была семья, он сомневался, что не сможет нас содержать, если пойдет учиться. Вера Николаевна провела с ним беседу, что он непременно должен совершенствовать знания. По ее совету папа получил высшее образование в Горном институте, а потом и в Промакадемии, куда его направили как руководящего инженера. Папа всегда Веру Николаевну слушался.

Сама Вера Николаевна получила домашнее образование. На наш вопрос: «Бабушка, а Вы где учились?». Она отвечала: «Дома». Еще она говорила, что хотела бы быть врачом, если бы жизнь сложилась иначе. Она любила медицину и всех нас лечила. В ее библиотеке было много книг по медицине. Наиболее популярным лечением было лечение желудка касторкой. Чтоб заглушить запах касторки, мы потом запивали ее мятной настойкой.

Вера Николаевна свободно знала три языка – английский, немецкий и французский. В большой комнате у Зиминых стояли два огромных двухстворчатых книжных шкафа до потолка и большой резной буфет с множеством вещей кузнецовского фарфора. (Это я знаю, потому что Вера Николаевна иногда повторяла: «Валечка, эта посуда от знаменитого Кузнецова»). В середине комнаты стоял круглый стол.

Дети на крыльце лосиноостровского дома. 1937 год. В верхнем ряду слева – Миша Зимин, на крыльце сидит слева Валя Звонова

Эти книжные шкафы, казались, детям – и собственным внукам Веры Николаевны Диме и Мише, и нам, соседям – волшебными. Что касается меня, то я до того, как побывала впервые в квартире Веры Николаевны, никогда в жизни не видела таких роскошных книг с красочными иллюстрациями. Помню, что был там полный комплект энциклопедии «Брокгауз». Было юбилейное шеститомное издание «Великая реформа» (издание И.Д. Сытина – Прим. Г.У.). И, конечно, прекрасные издания сказок.

Всё свое свободное время, когда не надо было готовить и хлопотать по хозяйству, Вера Николаевна читала. У Зиминых была маленькая комнатка с топчаном, где с 1928 года жил внук Веры Николаевны Миша Зимин (его родители были репрессированы). Там мы, 3-4 ребенка, собирались с «бабушкой» и читали по очереди вслух русские книги. Некоторые книги Вера Николаевна читала нам сама, потому что эти книги были на иностранных языках. Например, хорошо помню, что она читала нам «Дети капитана Гранта» на английском языке и тут же переводила фразу за фразой.

Еще она играла с нами в настольные игры – красочные, сделанные еще до 1917 года. Только вместо утерянных фишек она давала нам железные голубые пуговицы.

*Лосиноостровская. Дети на дне рождения у одноклассника. 1937 год.
Крайний слева – Миша Зимин, рядом с ним Валя Звонова*

Бабушка рассказывала нам, как в детстве и юности она с родными путешествовала по Германии. Особенно мы любили ее рассказ о том, как

можно было посылать почту в Германии. В каком-то городе, бабушке надо было отправить письмо в Россию. Когда она подошла к столбу, на котором висел почтовый ящик, то увидела под ящиком столик. На бабушкиных глазах подошел мужчина и положил на столик сверток (как бандероль). Бабушка и ее спутники были изумлены и спросили мужчину, не боится ли он оставлять почтовое отправление. Мужчина ответил, что никто не возьмет это со столика, а заберет только почтальон. Бабушка описывала свое удивление, удивлялись и мы таким честным немецким нравам. Эта история нам очень нравилась, и мы просили Веру Николаевну рассказывать ее снова и снова.

Дочь Веры Николаевны Лена Зимина была строгая, она ездила работать в центр Москвы. У нее была своя небольшая комната, и она не разрешала нам туда заходить. Но меня туда очень влекло, и тайно от Лены «бабушка» Вера Николаевна меня в эту комнату пускала. У Лены была удивительная кукла. Эту куклу звали Дэзи и она была привезена из Германии. Кукла говорила «муттер» и «фаттер». Я осторожно играла с куклой, пока Лена была на работе.

Несколько раз в год Вера Николаевна просыпалась еще раньше, чем обычно, и уезжала куда-то в «свой» храм. Судя по всему, она ездила на Преображенское кладбище, потому что как-то она мне втайне сказала на мой вопрос, ходит ли она в церковь, что у нее своя вера, и она крестится не тремя, а двумя перстами, потому что «старообрядка».

Вера Николаевна была всегда доброжелательной и сдержанной. Она никогда не говорила о своих родственниках. Только уже накануне войны, она мне подарила фотографию, на которой она, прекрасная молодая женщина в белом кружевном платье и в шляпке, обнимала за плечи двух маленьких мальчиков, также одетых очень красиво. Мне она сказала только одно: «Это мои сыночки». Почему-то она мне при этом сказала: «Ты, Валя, будешь очень хорошей матерью и хорошей бабушкой». Ее предсказание сбылось: у меня два прекрасных сына (к несчастью, старший умер от сердца в 2005 году) и трое внуков. Фотографию эту мы воспринимали как свидетельство какой-то существовавшей красивой жизни, и что из той прекрасной жизни к нам была послана Вера Николаевна. Фотографию эту у меня в какой-то момент, уже в 1941 году, отобрала и забрала себе старшая двоюродная сестра. Я очень переживала, что лишилась этого подарка от Веры Николаевны, но потом оказалось, что именно благодаря этой сестре фотография уцелела. Потому что моего папу во время войны распределили инженером на военный завод в Киров, и мы в июле 1941 года должны были собраться в течение нескольких часов и взять минимум вещей, так что все вещи, в том числе фотографии пришлось оставить в Лосиноостровской. А Москву уже скоро осенью начали бомбить немцы, да и в запертые комнаты уехавших в эвакуацию людей забирались бродяги и разоряли имущество.

Я не спрашивала «бабушку», где же ее сыночки, но детским чутьем чувствовала, что для нее это горькая тема. Только раз она обмолвилась на чей-то вопрос, что будто бы Боря поехал в командировку на Урал в Лысьву. Еще я слышала, как моему папе (который был из крестьян и всегда боялся,

что докопаются, что у него дед был кулаком) она тихо сказала, что «Саша был меньшевик». Сейчас, уже став пожилой женщиной за 70 лет, немало перенесшей в жизни, я поражаюсь ее стойкости. Потеряв мужа и двух сыновей, она была человеком большой выдержки. И никогда не плакала, во всяком случае, на людях. Внуков же своих она любила просто безумно.

Старший внук Веры Николаевны Миша (его отцом был Александр Николаевич Зимин, а мать звали Ханна) был красивым, но всегда задумчивым мальчиком с грустью на лице. Он помогал бабушке по хозяйству и ходил за хлебом на другую сторону железной дороги. Вера Николаевна, у которой был великолепный вкус, сама сшила Мише бриджи, курточку, еще одни коричневые штанишки. Летом он ходил в шортах, тоже сшитых «бабушкой».

*Миша Зимин (в центре) с подружками по двору в Лосиноостровской.
Слева Валя Звонова. Около 1933 года*

На лето, примерно на пять месяцев с мая по сентябрь, к нам в Лосиноостровскую привозили с Арбата младшего внука Веры Николаевны Диму. Он приезжал в сопровождении своей няни по имени Мотя. Мотя по внешнему виду была полная русская деревенская женщина – очень добрая и ангел по характеру. С Димой она была неразлучна и постоянно брала его на руки. Ночами она спала рядом с Диминой кроваткой на маленькой резной кушеточке. Им Вера Николаевна отдавала большую комнату.

Мама Димы Берта Борисовна (ее все звали Бетти Борисовной), небольшого роста, полноватая и очень обаятельная, раз в несколько дней навещала Диму и привозила продукты. После гибели в Гулаге своего первого

мужа, Бетти Борисовна вновь вышла замуж, и у нее был еще один сын Женя – говорили, что очень умный, но болезненный мальчик.

Мы очень любили, когда приезжала погостить сестра Бетти Борисовны – Ида Борисовна. Огромным впечатлением был случай, когда Ида Борисовна привезла в подарок двух- или трехлетнему Диме невиданную нами прежде педальную машину. Дима был мал и не доставал ножками до педалей, поэтому мы все четыре или пять более взрослых детей (от 4 до 8 лет), усаживались сверху на машину (малыш Дима единственный сидел внутри машины) и ездили с хохотом и криками по всей большой площадке перед домом, катая также хохочущего Диму. Это в летние дни продолжалось бесконечно. Машина эта пережила войну – я видела ее заржавевшую в дровяном сарае, когда мы уже были студентами.

Когда мы стали постарше, то Бетти Борисовна несколько раз приглашала нас, лосиноостровских детей, к себе на Арбат – на новогоднюю елку и на день рождения Димы. Это было еще до войны. Квартира на Арбате была огромная, но и соседей там было очень много. Принимали нас радушно. После веселого детского праздника мы все оставались ночевать в огромной арбатской комнате Зиминых.

Отмечали мы Новый год и в Лосиноостровской – благодаря «бабушке». У Веры Николаевны в комнате рос небольшой кипарис в горшке. Помню, в 1934 году мы готовились к Новому году: клеили игрушки, делали из цветной бумаги цепи и фонарики, шили из тряпочек клоунов с головами из раскрашенных яиц (в которых проделывались с двух концов две дырочки и выдувались внутренности). Потом всем этим украшали кипарис вместо елки. Вера Николаевна тогда сказала нам, детям: «Только не рассказывайте, что у нас кипарис был, а то нас будут ругать». Потом с 1935 года елки разрешили официально, и мы стали наряжать елку, а не кипарис.

Но вернусь к нашему лосиноостровскому житью-бытью.

Хорошо помню обстановку комнаты Веры Николаевны. Справа от двери стояла железная никелированная кровать с набалдашниками на спинках. Около кровати кресло. У окна стояла кушетка, возле которой столик типа ломберного. Слева от двери платяной двухдверный шкаф. В своей комнате Вера Николаевна и мылась – там стоял старинный мраморный умывальник. В баню она не ходила (думаю, что брезговала). На стене у Веры Николаевны висела в черной раме черно-белая картина, изображавшая Мадонну с младенцем. Еще были прекрасные репродукции картин Дрезденской галереи, видимо привезенные из Германии. Часто она нам показывала художественный альбом, по ее словам привезенный из Рима, – там были на плотных белых листах черно-белые литографии шедевров живописи, и каждый лист был закрыт папиросной бумагой. «Бабушка» нам рассказывала про эти картины.

Молоко Зиминым приносила молочница. Несколько раз в году Вера Николаевна ездила в Торгсин, куда сдавала столовое серебро. Изредка ходила в гости на ту сторону поселка (за железную дорогу), к своим

знакомым Авдеевым (кажется, они были из театральной среды, Малого театра или МХАТа, но может быть, я ошибаюсь).

Где похоронена Вера Николаевна, я, к сожалению, не знаю. (Предполагаю, что на Преображенском или Бабушкинском кладбище, на Бабушкинском кладбище я пыталась что-то узнать о Вере Николаевне, когда ходила в контору по делам могил своих родных, но мне сказали, что архивы кладбища о захоронениях могут поднять только по запросу МВД, откуда родственники должны запрашивать официально сведения). Мы вернулись в Москву в 1944 году. Соседи сказали, что Вера Николаевна скончалась приблизительно в 1943 году, после чего ее внук Миша, прибавив себе годы, убежал на фронт. В тех комнатах, где мы провели у Веры Николаевны столько золотых мгновений детства, никто не жил. В какую-то зиму во время войны, когда комнаты стояли пустыми, там поселились пьяницы. Они, вместо дров, варварски жгли книги в печке, и все соседи нам говорили: «Столько книг пожгли у Зиминых».

В 1955 году, проведя несколько лет с мужем-военным в Германии (он там служил), я приехала с семьей (у меня был уже 4,5 месячный сын) во время отпуска в лосиноостровский дом. Одна из комнат, в которой прежде жили Зимины, была занята, а в другой, пустовавшей, хранились уцелевшие вещи Веры Николаевны. Мне повезло, и я в тот раз повидалась с друзьями своего детства – Димой и Мишей Зимиными. Дима был студентом, а Миша жил в Донбассе, где, кажется, работал инженером. Они приехали разобрать бабушкины вещи. Кроме книг они ничего не взяли. Поразительно, но при том, что бродяги сожгли во время войны немало книг, всё-таки большое количество книг уцелело. Дима и Миша перевозили их на Арбат. Туалетный столик Веры Николаевны они подарили маме Юры – нашего друга детства из лосиноостровского дома. Помню, что в ту встречу Миша отвел меня в сторону и предупредил: «Валя, если я приеду с женой, – не говори о моем происхождении, о родителях и бабушке».

В 1968 году наш дом на Ярославском шоссе снесли. Так ушел целый кусок жизни. Но образ Веры Николаевны Зиминой вот уже больше 70 лет я храню в своем сердце. У нее был ангельский характер, с добром и пониманием она относилась ко многим людям. Храню, как дорогую память о ней и одну из подаренных мне ею салфеток тончайшего полотна из ее свадебного приданого с монограммой «ВГ» (Вера Гучкова). Таких салфеток Вера Николаевна дала мне две. Когда пару лет назад меня вдруг навестил друг моего детства Дмитрий Борисович Зимин, то я достала эти две салфетки, чтоб отдать ему как память о его бабушке. Но он разделил салфетки, одну взял себе, а другую, оставил мне.